УДК 342

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИК КАК УСЛОВИЕ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цалиев А.М., Северо-Кавказский горно-металлургический институт, г. Владикавказ, Российская Федерация, *kafedra-pd@skgmi-gtu.ru*

В статье рассматриваются некоторые положения основ конституционного строя республик РФ как условие их дальнейшего государственного-правового развития. Для этого автор анализирует конституционные нормы, предусматривающие такие понятия, как демократическое правовое государство, народовластие, органы судебной власти, разделение государственной власти, государственная идеология.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституции республик, государственно-правовое развитие республик, демократическое правовое государство, народовластие, договор, соглашение, идеология.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-67-72

UDC 342

ABOUT IMPROVEMENT AND REALIZATION OF SOME BASES OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE REPUBLICS AS A CONDITION OF THEIR FURTHER STATE AND LEGAL DEVELOPMENT IN STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tsaliev A.M., North-Caucasian mining and metallurgical Institute, Vladikavkaz, Russian Federation, *kafedra-pd@skgmi-gtu.ru*

The article deals with some provisions of the constitutional system of the Russian republics as a condition of their further state-legal development. For this purpose, the author analyzes the constitutional norms providing for such concepts as a democratic state based on the rule of law, democracy, judicial authorities, the division of state power, state ideology.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Constitution of the republics, state and legal development of the republics, democratic rule of law, democracy, Treaty, agreement, ideology.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-67-72

Основы конституционного строя являются фундаментальной главой не только Конституции РФ, но и ее республик. В ней закрепляются основополагающие нормы – принципы общественной и государственной жизни, взаимоотношения личности, общества и государства. Они обладают большей юридической силой, чем другие нормы конституций и составляют первичную базу всего текущего законодательства, всех нормативно-правовых актов. Такими же свойствами по отношению к региональной конституции и законодательству обладают основы конституционного строя республик. Правомерность использования данной категории подтверждается несколькими решениями Конституционного Суда РФ*.

* См.: Постановления Конституционного Суда РФ: от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. №

Основы конституционного строя Российской Федерации и основы конституционного строя республик соотносятся между собой как общее и частное, где последнее, сохраняя основные свойства, признаки общего, в то же время имеет свои особенности, которые могут быть закреплены в конституции республики. На наш взгляд, это принципиально важные положения для более полного понимания соотношения указанных двух понятий. Так, в федеральной Конституции, Россия характеризуется как демократическое федеративное правовое государство, а в региональных конституциях

25, ст. 2728); от 15 янв. 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 4, ст. 532); Определение Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2001 г. № 250-0 «По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, "1 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации».

республики именуются демократическим правовым государством. Но это лишь желание, которое выдается за *данность*. Даже известные западные страны, именующих себя демократическими правовыми государствами, шли к этому столетиями, а в последние десятилетия, с их правовой политикой «двойных стандартов», вовсе возвращаются к временам макиаваллизма.

Российскому государству как признанной мировой державе в своих политико-правовых характеристиках, на наш взгляд, не стоит уподобляться тем, кто характеризует себя излишне приукрашивая. То же касается нашей правящей элиты, которая еще в начале демократических преобразований 1990-х гг. решила закрепить в новой Конституции России норму о том, что Российская Федерация **есть демократическое государство**. Эту же норму предусмотрели в конституциях республик, даже в тех, которые возникли всего лишь несколько лет назад.

Вполне очевидно, что логичнее всего наметить в Конституции формирование демократического государства как одну из целей политико-правового развития Российской Федерации и ее республик. В таком контексте Российская Федерация, ее республики, как намерение построить демократическое государство, нацеливают российское общество на укрепление и в конечном итоге обеспечение в стране народовластия. Последнее, по мнению известного ученого О.Е. Кутафина, **«есть принадлежность всей власти народу, а также свободное осуществление народом этой власти в полном соответствии с его суверенной волей и коренными интересами»** [1, с. 275].

Намерение России обеспечить формирование полноценного демократического государства инициирует органы власти, политические партии и движения, различные структуры гражданского общества, народ к более глубокому и широкому пониманию и использованию в политическом процессе различных форм народовластия, закрепленных в федеральной Конституции и региональных основных законах. Согласно ст. 3 Конституции РФ «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Такое понимание механизмов осуществления своей власти все чаще формируется в сознании многих представителей народа, поэтому значительная часть его желает быть активными субъектами формирования и осуществления государственной и местной власти. Данный политический процесс – приобщение народа к власти через институт выборности, особенно активно был запущен после принятия Конституции РФ 1993 г.

Однако после Бесланской трагедии 2004 г. в механизм формирования региональной власти по существу была введена система назначения глав

субъектов РФ. Мотивировано это было необходимостью более эффективной борьбы с терроризмом. Но такая технология избрания главы субъекта РФ и упрощенная процедура отрешения его от должности, как показывает жизнь, не способствуют эффективности работы, поскольку формирует психологию «временщика». Часто, как отмечают специалисты, «в своей деятельности он вовсе не учитывает мнение населения и интересы региона, а заботится о развитии собственной карьеры, руководствуясь интересами группы, пролоббировавшей его назначение» [2, с. 9]. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры и данные полицейской, судебной и экономической статистики. Так, данные статистики МВД России показывают, что идет стабильное увеличение преступлений коррупционной направленности. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 32204 преступлений коррупционной направленности, в 2015 г. – 32455, в 2016 г. – 32924. Увеличились не только коррупционные преступления. Такая же тенденция наблюдается в сфере террористической, организованной и насильственной преступности.

Таким образом, деятельность многих руководителей региональной власти не привела к повышению их эффективности в решении проблем региона. Неслучайно многие из них были освобождены и продолжают освобождаться самим же Президентом РФ от занимаемых должностей или же привлечены к уголовной ответственности. Все это актуализирует проблему совершенствования избирательной системы. При этом «нельзя не принимать во внимание обновленные статистические данные, согласно которым количество жителей России, не согласных с изменением порядка назначения губернаторов полномочиями, составляет по разным оценкам от 33 до 57% населения страны. Причем аналитики сходятся в том, что начиная с 2006 г. число критически настроенных граждан значительно выросло [3, 4]. Более того, социологические исследования, проведенные среди элит (т.е. наиболее политически, экономически и социально активной части населения страны), подтверждают, что существует социальный заказ на развитие нашего государства по выявлению общественного мнения и воли народа при наделении полномочиями глав субъектов Российской Федерации [2, с. 3].

Следует согласиться с К.А. Ишековым в том, что чрезвычайно важно определить ту тонкую грань, которая проходит между возможностью федерального участия в процедурах формирования региональных органов власти и самостоятельности субъектов РФ в решении кадровых вопросов регионального уровня. Он же отмечает, что на протяжении современной истории России субъекты Федерации по инициативе и под воздействием федерального центра уже неоднократно были вовлечены в механизмы движения государственной власти от децентрализации к централизованной модели управления и обратно.

В настоящее время степень участие федеральных структур в комплектовании региональных органов власти нельзя оценить однозначно. С одной стороны, остаются в силе с 2002 г. и скорректированные в 2013 г. положения федерального законодательства, устанавливающие ограничения в выборе избирательной системы при формировании законодательных органов государственной власти субъектов РФ. С другой стороны, в 2012–2013 гг. произошли несомненные подвижки в сторону децентрализации порядка формирования органов региональной власти, связанные с возвратом сначала выборов высших должностных лиц регионов, а затем с предоставлением субъектам права самостоятельно определять порядок возведения на должность высших должностных лиц: посредством прямых выборов или путем наделения полномочиями региональным Парламентом по представлению Президента России [5, с. 165]. Несмотря на это во многих субъектах РФ, в частности во всех республиках, кроме Чеченской, выборы должностных лиц региона проходят по последнему варианту. Складывается парадоксальная ситуация: федеральная власть доверяет народу прямые выборы Президента России, а региональная власть, которая ближе к народу, не доверяет ему выборы руководителя субъекта Российской Федерации!

На наш взгляд, необходимо в регионах вернуться к системе **непосредственных выборов народом своего руководителя**. Кандидатов на эту должность вправе предлагать все, начиная с Президента, политических партий, движений, социальных групп и т.д. По логике, народ, доверяя выбранному им Президенту России, поддержит, предлагаемую им кандидатуру на должность главы субъекта РФ. Это придаст большую легитимность власти и усилит ответственность за результаты ее деятельности. И будет способствовать развитию России как федеративного демократического государства, в котором происходит **повышение правового статуса его субъектов, реанимирование института выборности власти и его подотчетности**, что особенно важно в традиционных обществах, имеющих место в национальных республиках, где в досоветский период культивировались **принципы** всеобщности выборов любых уровней власти и их **подотчетность** наряду.

По нашему мнению, **без выборности власти в условиях реальной конкуренции, ее подотчетности и ответственности** не будет никакого развития России и ее регионов. Неслучайно, согласно опросам ВЦИОМ, более половины россиян уверены, что без конкуренции политических партий, идей, лидеров страну ждет новый застой [6].

В ст. 1 Основ конституционного строя республики именуется также *правовыми государствами*, основными характеризующими признаками которых являются верховенство Конституции по отношению ко всем другим законам и подзаконным актам, защита прав и свобод личности, разде-

ление властей, единое правовое пространство. Возможно ли формирование полноценного правового государства в половине республик РФ (11 из 22), где не учреждены конституционные суды, призванные обеспечить формирование вышеуказанных признаков? Ответ очевиден, хотя, как отмечает известный ученый-конституционалист С.А. Авакьян, рассматривая характеристики Конституции РФ, «пусть каждый делает вывод сам – и относительно того, что существует, и чего нет в жизни» [7, с. 26]. Во всяком случае, правовое государство для России, как правильно отмечают специалисты, пока еще далекая перспектива, а не реальность [8, с. 227], поэтому значительно правильнее было бы сформулировать ее во всех основных законах не как состоявшийся факт, а **цель**, к которой следует стремиться. В республиках как части целого – Российской Федерации, правовая возможность такой корректировки была и есть, следовательно, необходимо лишь более творчески подойти к разработке своей Конституции. Это же касается тех норм основ конституционного строя России и республик, которые регулируют федеративные отношения в части разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти. Они, согласно ст. 5 (ч. 3) и ст. 11 (ч. 3) Конституции РФ, осуществляются настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Этой возможностью в середине 1990-х годов воспользовались республики, а затем и другие субъекты РФ. Однако под давлением центра вскоре свернули договорную практику, а многие заключенные договоры были признаны недействующими. Это представляется неоправданным, поскольку субъекты РФ имеют свои исторические, национальные, экономические, природно-климатические, географические и иные особенности, которые необходимо учитывать в процессе политического, государственно-правового, социально-экономического, культурного развития. Поэтому в федеративном государстве, в его государственно-правовой политике и практике, наряду с общим, универсальным подходом к отношениям между федеральными и региональными органами государственной власти должен быть индивидуальный подход, учитывающий специфические условия субъекта РФ. Именно этого, помимо всего прочего, добивались разработчики Федеративного договора 1992 года, о чем свидетельствую как участник его разработки, а также Договора между органами исполнительной власти РСО-Алания и органами исполнительной власти России. Правильность такой государственно-правовой политики ныне подтверждается не только практикой, но и Основами государственной политики регионального развития, утвержденными Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. В данном документе для необходимого решения приоритетных задач регионального развития России предлагается, в частно-

сти, **заключение соглашений между федеральными и региональными органами исполнительной власти.** Прошло около двух десятилетий, чтобы понять эту простую истину, преподнести ее в виде чего-то нового и вернуться к договорной практике как к способу решения задач регионального развития.

Одной из Основ конституционного строя и оптимальной организации государственной власти признается принцип осуществления ее на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Он предполагает установление такой системы правовых гарантий сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них и злоупотреблений ею. Данный принцип организации государственной власти закрепляется конституциями всех республик, но в половине из них он не реализуется, поскольку в них, как было сказано, нет конституционных судов, наиболее убедительно свидетельствующих о наличии региональной судебной власти. Между тем они решают не только свои *институциональные задачи* – обеспечение верховенства Конституции республики; защита прав и свобод личности путем конституционного судопроизводства; толкование норм конституции и другие специфические задачи, но и политико-правовые задачи, имеющие принципиально важное значение для дальнейшего государственно-правового развития республик. Отметим основные из них.

Во-первых, конституционный (уставный) суд является необходимым атрибутом государственности субъекта Федерации*, поскольку придает законченный, полноценный характер системе органов государственной власти. В этом плане для нас представляют интерес суждения, высказанные немецкими специалистами применительно к ФРГ: «Конституция и конституционная автономия земель наполняется политико-правовым содержанием лишь в том случае, если обеспечено функционирование системы конституционного правосудия» [10, с. 96].

Во-вторых, право субъектов в составе России принимать конституции и уставы, как правильно отмечает проф. И.А. Умнова, предполагает необходимость создания на уровне всех субъектов РФ конституционных (уставных) судов, обеспечивающих в рамках региона правовую защиту статуса субъектов Федерации и их законов [11, с. 127].

В-третьих, образование и функционирование конституционного (уставного) суда является не только необходимым атрибутом практического конституционализма, т.е. политической системы, опирающейся на конституцию и конституционные

методы правления, но и оживляет действие конституционных норм. С помощью органа конституционного контроля Конституция превращается в «живое право», говорится в Генеральном докладе 14 Конгресса Конференции Европейских Конституционных судов. (Вильнюс. 3-6 июня. 2008 г.).

В-четвертых, с образованием конституционного суда решаются такие политико-управленческие задачи в сфере развития федеративных отношений, как, в частности, – **вопросы федерализации и регионализации судов****, совершенствования государственного управления в субъектах РФ и, что особенно важно, – согласования интересов федерального центра и регионов в рамках правового поля.

В-пятых, конституционный (уставный) суд субъекта способствует реализации важнейшего конституционного принципа – равенства граждан перед законом и судом независимо от места проживания (ст. 19 Конституции РФ). Вполне очевидно, что в тех субъектах РФ, где действуют эти суды, граждане получают двойной уровень конституционной защиты, а «руководители регионов находятся в более выгодном в отношении населения и обеспечении его прав положении, нежели абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать этот институт судебной власти» [13, с. 15].

В-шестых, само наличие конституционного правосудия имеет и большое профилактическое значение: оно дисциплинирует и законодателя при издании законов, и чиновников при принятии правоприменительного решения, и рядовых граждан в их повседневных действиях в различных сферах социальной жизни [14, с. 59].

С учетом сказанного, нами как членом Президиума Совета судей РФ на очередном его заседании было внесено предложение о том, чтобы ускорить образование конституционных (уставных) судов субъектов РФ, являющихся дополнительным гарантом защиты прав и свобод личности. Оно было включено в Постановление IX Съезда судей РФ, но, как говорится, «воз и ныне там». Более того, подготовлен федеральный законопроект, предусматривающий передачу мировых судей на федеральный уровень.

Таким образом, складывается ситуация, когда республики лишаются обязательной ветви государственной власти, одной из основ конституционного строя России и республик, вопреки статье 4 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г., и из статуса **национально-государственных образований превращаются в административно-территориальные единицы, где так же есть только представительные и исполнительные органы власти.** Понимают ли авторы централизации судебной власти о политиче-

* Такого мнения придерживаются практически все специалисты, рассматривающие данный вопрос. Так, известный конституционалист С.А. Авакьян одним из признаков субъекта Федерации считает наличие у него обособленных от федерального центра судебных органов. См.: [9, с. 109–112].

** Об этом см. подроб.: [12].

ских последствиях такой идеи или для них важнее ведомственные интересы, чем государство, не только именуемое в ст. 1 Конституции федеративным, но и исторически и фактически являющееся таковым?

Анализируя основы республиканского конституционного строя, можно согласиться с нормой о том, что в республиках существует идеологическое и политическое многообразие, многопартийность. Однако нельзя признать обоснованным утверждение профессора Н.А. Михалевой о том, что «из конституционного признания идеологического многообразия логично вытекает запрет на официальную государственную идеологию» [8, с. 209]. Тем более конституционный запрет государственной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ).

Государство как политическая форма организации общества [15, с. 154], на наш взгляд, не может не иметь государственную идеологию, если оно хочет оправдать свое предназначение. Идеология, как правильно пишут специалисты, «является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как государственный суверенитет, территория, право, органы государственной власти и т.д.» [16, с. 13]. Ослабление идеологических основ губительно для государства. Идеологическая функция, по мнению одного из известных конституционалистов О.Е. Кутафина, – одна из важнейших функций государства [17, с. 73], а Основной закон любого государства выполняет идеологическую функцию.

Говоря об идеологии и совершенствовании конституционных норм о ней, необходимо также иметь в виду следующее:

1. Идеология трактуется во всех словарях как мировоззрение, система взглядов, идей. В свою очередь под мировоззрением понимается совокупность взглядов, воззрений на окружающее, на жизнь, на мир, на ту или иную область бытия» [18, с. 450]. Как известно, мировоззрение возникает в сознании, т.е. в мыслях, чувствах, ощущениях. В связи с этим возникает чисто риторический вопрос: **можно ли человеку, социальной группе или обществу запретить мыслить, а проще говоря, думать, и тем самым иметь свое мировоззрение, идеологию?** Ответ очевиден, поскольку это то же самое, что запретить им дышать, осуществлять

другие естественные потребности. Какова же тогда **социальная ценность и реалистичность** указанной конституционной нормы? Мы уже не говорим о том явлении, которое очень тонко подметил профессор С.А. Авакьян: отсутствие идеологии власти состоит в явлении, которое мудрый русский народ оценил кратко, но бесподобно выразительно [19, с. 6] – «без царя в голове».

2. Нет запрета на государственную идеологию ни в Конституции США, ни в конституциях других стран, ни в конституциях (уставах) многих субъектов РФ. Более того, конституции некоторых стран подчеркивают идеологию государства, т.е. определяют **функцию идеологического государства**.

3. Некоторые страны, например Индия и Китай, являющиеся наиболее динамично развивающимися по экономическим параметрам государствами, прямо заявляют о приверженности определенным идеологическим учениям. В этих древних странах давно поняли, что «свято место пусто не бывает». Как тут не вспомнить современную Украину: наиболее экстремистски настроенная часть ее населения убедительно доказывает, что при отсутствии верной государственной идеологии побеждает «бандеровская» идеология.

4. Конституция России не обязывает субъекты РФ к тому, чтобы они в своих конституциях (уставах) буквально воспроизвели все положения основ конституционного строя РФ, в том числе в части идеологии, поскольку она формируется на государственном уровне.

Подводя итог, по данному вопросу, предлагаем исключить из конституции республик положение о том, что *никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной*. В обоснование данного предложения, кроме вышеизложенного, отметим: жизнь показывает, что только социально оправданная государственная идеология и практика ее эффективного осуществления является необходимым условием успешного государственно-правового развития, в том числе, в сфере противодействия националистической, религиозной и экстремистской деятельности.

Литература

1. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.
2. Костюков А.Н. Приоритеты конституционно-правового развития в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1.
3. Штыкина А. Более половины россиян хотят выбирать губернаторов // Коммерсантъ. 2009. 30 июня.
4. Россия отметит годовщину отмены прямых выборов губернаторов // РИА «Новости» 2008. 12 сент.
5. Ишеков К.А. Реализация Конституции и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование. М., 2013.
6. Васильева К. Оппозиция как атрибут демократии // Новые известия. 2006. 19 окт.
7. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.

8. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.
9. Авакьян С.А. Конституционное право России. М., 2006. Т. 2.
10. Бруснин А.М. «Двойное» конституционное правосудие: ненужная роскошь или насущная необходимость? // Вестник Уставного суда Санкт-Петербурга. 2000. № 3 (9).
11. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.
12. Цалиев А.М. Судебный федерализм: проблемы федерализации и регионализации судов // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века: материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2007.
13. Эбзеев Б.С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань, 2005.
14. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. М., 2008.
15. Ушаков Д.А. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
16. Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3.
17. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.
18. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007.
19. Авакьян С.А. Властеотношения: закономерности существования, субъективизм регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5.

References

1. Kutafin O.E. Rossiiskii konstitutsionalizm. M., 2008.
2. Kostyukov A.N. Prioritety konstitutsionno-pravovogo razvitiya v sovremennoi Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2010. № 1.
3. Shtykina A. Bolee poloviny rossiyan khotyat vybrat' gubernatorov // Kommersant". 2009. 30 iyunya.
4. Rossiya otmetit godovshchinu otmeny pryamykh vyborov gubernatorov // RIA «Novosti» 2008. 12 sent.
5. Ishekov K.A. Realizatsiya Konstitutsii i ustavov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii organami gosudarstvennoi vlasti: konstitutsionno-pravovoe issledovanie. M., 2013.
6. Vasil'eva K. Opozitsiya kak atribut demokratii // Novye izvestiya. 2006. 19 okt.
7. Avak'yan S.A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'. M., 2000.
8. Mikhaleva N.A. Konstitutsii i ustavy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). M.: YuRKOMPANI, 2010.
9. Avak'yan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii. M., 2006. T. 2.
10. Brusnin A.M. «Dvoynoe» konstitutsionnoe pravosudie: nenuzhnaya roskosh' ili nasushchnaya neobkhodimost'? // Vestnik Ustavnogo suda Sankt-Peterburga. 2000. № 3 (9).
11. Umnova I.A. Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiiskogo federalizma. M., 2000.
12. Tsaliev A.M. Sudebnyi federalizm: problemy federalizatsii i regionalizatsii sudov // Federalizm i regionalizm: prioritety XXI veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Vladikavkaz, 2007.
13. Ebzeev B.S. Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii: sistemnost' i rol' v obespechenii edinstva i tselostnosti Rossiiskogo gosudarstva // Konstitutsionnoe pravosudie v Rossiiskoi Federatsii: pravovoe regulirovanie, opyt, perspektivy. Kazan', 2005.
14. Zor'kin V.D. Konstitutsiya i prava cheloveka v XXI veke. M., 2008.
15. Ushakov D.A. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. M., 2007.
16. Khabibullin A.G., Rakhimov R.A. Gosudarstvennaya ideologiya: k voprosu o pravomernosti kategorii // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 3.
17. Kutafin O.E. Rossiiskii konstitutsionalizm. M., 2008.
18. Ushakov D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M., 2007.
19. Avak'yan S.A. Vlasteotnosheniya: zakonomernosti sushchestvovaniya, sub"ektivizm regulirovaniya i pravoprimereniya // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 5.

Поступила в редакцию 19 мая 2018 г.
Received 19 May, 2018